

УДК 82

ПОЭТИКА СКАНДАЛА В МАЛОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛИСТИКИ М. ЗОЩЕНКО И ВЯЧ. ШИШКОВА)

© 2013 г.

М.В. Кукова

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева, г. Саранск

mor-ska-ya@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Исследуется специфика функционирования скандала в русской сатирической прозе 1920-х гг. (рассказы М. Зощенко и Вяч. Шишкова).

Ключевые слова: скандал, новелла, прием, сюжет.

Общеизвестно, что расцвет «смеховой» литературы происходит, как правило, в переломные эпохи, когда словесность осваивает новую историческую действительность в самых разнообразных комических и сатирических формах. Это касается и первого послеоктябрьского десятилетия. Как справедливо отмечает Л. Ершов, «комическое в литературе и искусстве в те годы отличалось огромным разнообразием. Без промаха бьющее писательское слово и обличительная графика, искрометные театральные и эстрадные представления, множество сатирико-юмористических журналов <...> – все это передавало дух эпохи, колоссальную тягу ко всем формам комического – от веселой шутки до язвительного сарказма» [2, с. 3]. Примечательно, что именно «малая» проза 1920-х гг. становится полем осмысления социальных и нравственных противоречий и конфликтов новой эпохи: в ней выстраивается образ «нового» мира – карнавального, смехового, игрового в своей основе, посредством нанизывания друг на друга комических эпизодов, изображения дураков, фамильярных развенчаний, ситуации скандала.

Показательна в этом отношении малая проза М. Зощенко. Его герои «впутаны» в карнавальные по своей сути истории – часто по своей воле, нередко и по принуждению других. Так, например, «Рассказ о том, как Семен Семенович Курочкин попугая на хлеб менял» повествует о злоключениях героя, купившего попугая, говорящего по-французски «шармант», и пытающегося выменять его в вологодских деревнях на зерно. При этом ситуация «нормальная» с точки зрения нарратора выглядит абсурдной и абсолютно алогичной в глазах читателя (кстати, именно абсурд и порождает комизм) – Курочкин покупает попугая за «хлеб», чтобы поменять его в конечном итоге

на тот же хлеб («А купил я эту попку за недорого. Хлебом, не помню – восемь, не помню – десять фунтов дал» [4, с. 33]), а затем, нося птицу по жару несколько дней, удивляется, что она оказывается мертвой.

Особое место в «Веселых рассказах» в силу отчетливо выраженного пародийного начала занимает «Рассказ о том, как Семен Семенович в аристократку влюбился». Здесь Зощенко как автор «реальный» подвергает пародийному «развенчанию» А. Блока, на что, кстати, указывает и один из наиболее авторитетных исследователей творчества прозаика А. Жолковский: героиню рассказа вполне можно рассматривать как последовательное пародийное снижение и в конечном итоге – развенчание символизирующей культуру и литературу декаданта блоковской «Незнакомки» [3]. Утонченность, внутренняя тайна, красота и изящество героини у Блока трансформируются в «псевдовоспитанность», своекорыстие зощенковской героини. Даже детали туалета «незнакомки» перверсируются: дама в «шляпе с траурными перьями» превращается в «бабу в шляпке», вуаль заменяется на «байковый платок», «плывущая походка» становится «развратной». Мало того, зощенковская «аристократка» обрастает новыми «снижающими» подробностями – золотым зубом и «фильдекосовыми чулочками». «Подрыв» блоковской (и шире – декадентской поэтики), а затем и создание карнавальной ситуации (драка и скандал в буфете) осуществляется, как справедливо указывает О.Ю. Осьмухина, «именно посредством сказа, «чужого слова» слесаря-водопроводчика, малограмотного, некультурного, с помощью которого описывается «развенчание» не только аристократки и «ее буржуйской идеологии», но и демонстрируется ироническое отношение к “новым”» [6, с. 92].

Создание вышеназванных ситуаций (скандалов, драк) является важной особенностью творчества русских сатириков того времени. Скандал или даже драка часто оказываются основообразующими в развитии сюжета и раскрытии образа. На эту особенность скандала как такового не раз указывали отечественные литературоведы. М.М. Бахтин заметил, что скандал не меняет знаки с минуса на плюс, а открывает другое измерение, где человек (персонаж) – как в «доклассицистском театре» [5]. На основе скандала построено повествование в рассказе «Стакан» М. Зощенко, где, казалось бы, невинная трещина обернулась судебным разбирательством «по делу Блохиной». Выстраивание реплик и авторских оценок говорящих нанизывается друг на друга, составляя единое смыслообразующее поле: начальная фраза вдовы «Никак, батюшка, стакан тюкнули?» открывает неприятный разговор, далее деверь, который «нажрался» и который «паразит», продолжает: «Таким гостям надо морды арбузом разбивать». На что герой в свою очередь отвечает: «Вам, чертям, три стакана и одну кружку разбить – и то мало» [7, с. 89]. Реплики нагнетают зреющее недовольство, усиливают конфронтацию, тем самым непосредственно участвуют в создании абсурдного, а следовательно, комичного по своей сути дела. Таким образом, ситуация скандала, являясь смысловой доминантой, носит здесь и смехообразующую функцию. Весьма примечательно в данном контексте высказывание о сущности скандала М.М. Бахтина, который подчеркивал, что «скандалы и эксцентричности разрушают эпическую и трагическую целостность мира, пробивают брешь в незыблемом, нормальном («благообразном») ходе человеческих дел и событий и освобождают человеческое поведение от предрешающих его норм и мотивировок» [1].

Карнавализованная сцена представлена и в рассказе Зощенко «Муж», где события разворачиваются подобно анекдотическим сюжетам. О судьбах мужей, чьи жены заняты «передовыми» вопросами, задумывается главный герой Василь Иваныч, еще в начале повествования вопрошающий «Что это, граждане, происходит на семейном фронте?» [7, с. 90]. Провокация на скандал, нагнетание сверхчувств – вот те средства, с помощью которых выстраивается общая карнавальная, смеховая картина мира. Особого внимания заслуживают реплики Василь Иваныча, построенные на смысловом контрасте: «Прошу *честью*: «открой, говорю, *курицын сын*», «Братцы, говорю, *милые* товарищи. Да как же, говорю, он может, *подлая его*

личность, в такое время мужу про копилку говорить спокойным голосом?!» [7, с. 91]. Шутливый характер истории заключается в том, что в широком смысле перед закрытой дверью оказывается не столько сам муж, сколько все герои рассказа. Вызывает сомнение, скажем, образ самого Мишки Бочкова, чье поведение и речь несколько не отличаются от «беспартийного мещанина» Василь Иваныча («Не трясись дверь, дьявол!»), смехотворно жалким выглядит и постовой, заявляющий, что только если «вас убивать начнут или, например, из окна кинут при общих семейных неприятностях, то тогда предпринять можно...».

Если новеллистика М. Зощенко остается объектом исследовательского интереса, то рассказы Вяч. Шишкова, крайне интересные и востребованные читательской аудиторией в 1920–1930-х гг. как непосредственный отклик на формирующуюся советскую эпоху с ее конфликтами и нередко «смеховыми коллизиями» строительства «нового» мира и «новой» жизни, отодвинуты на второй план эпическими полотнами прозаика. Меж тем не лишним будет заметить, что анализ малой прозы Шишкова способствует комплексному осмыслению путей развития отечественной сатирической новеллистики 1920-х гг.

Так, в «шутейных» рассказах Вяч. Шишкова, посвященных, как правило, деревенской тематике, выстраивается карнавальная картина мира, основанная на трагикомических коллизиях крестьянской среды («Посельга», «Спектакль в селе Огрызкове», «Усекновение», «Режим экономии» и т.д.). Например, в рассказе «Спектакль в селе Огрызкове» фамильяризуется образ искусства как такового посредством комического изображения «новых» драматургов: «<...> Павел Мохов и другой красноармеец, Степочкин, решили сострять пьесу самолично. Долго ли? Раз плюнуть. На подмогу был приглашен новоиспеченный учитель, Митрий Митрич, из бывших духовных портных. Все трое, чтобы никто не мешал, после обеда заперлись в прокопченной бане, захватив с собой четверть самогону. К утру пьеса была окончена. <...> Осунувшись, словно после изнурительной болезни, вся троица вылезла на воздух и, пошатываясь, поплелась домой в великой радости. Лица у всех были в саже» [7, с. 31]. Мало того, само представление «коллективного автора Павла Мохова», непосредственными участниками которого становятся его односельчане, – не понимающие смысла разыгрываемой пьесы пьяный суфлер, в прошлом «хороший чтец по покойникам» [7, с. 35], «псевдообразованная» Танечка и

др., заканчивается скандалом, дракой и «не до- считались семи казенных стульев» [7, с. 44]. Заметим, что принципиальным приемом построения смеховых ситуаций и в этом, и в других рассказах Шишкова оказывается использование «смехового слова» (термин М.М. Бахтина), построенного при помощи сказовой интонации, путаного синтаксиса, неправильного словоупотребления, орфоэпических ошибок, активного использования жаргонизмов, просторечий («физиономордия», «мырлял», «неполное доумение», «недостаток дефицита»).

Очевидно, что благодаря специфике языка, воссозданию комических ситуаций, события современности, сложение парадигмы советского пролетарского строя предстают в пародийном освещении – несмотря на «сочувствие» героя новой власти, признание им «достижений» прогресса, они невольно и десакрализируются, фамильяризируются посредством самого же персонажа, пересказывающего нелепые, а нередко и обретающие трагический оттенок происшествия. Карнавальный образ мира в его подчеркнута неофициальном аспекте совершенно иной; он конструируется у М. Зощенко, равно как и у Вяч. Шишкова, посредством создания «смеховых» ситуаций (драк, скандалов, выполняющих сюжетообразующую функцию) и «чужого слова». Практически все рассказы прозаиков 1920-х гг. проникнуты карнавальной атмосферой – атмосферой всепоглощающего веселья, которое не знает запретов и границ. Это, по М.М. Бахтину, «мир наизнанку», подчиненный логике «обратности» в противовес господствующим идеологическим и

социальным установкам (даже актуальные проблемы граждан «нового» мира – классовые, квартирные и религиозные вопросы – подаются в пародийном, смеховом освещении). В этом карнавальном мире все персонажи равны, потому что существуют в едином «смеховом» поле. Подчеркнем, что созданию карнавального образа мира в «малой» прозе Зощенко и Шишкова 1920-х гг. способствуют комические диалоги, бранные слова, ругательства, иронические характеристики повествователя.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 2. С. 5–174.
2. Ершов Л. Увеличивающее стекло // Русская советская сатирико-юмористическая проза. Рассказы и фельетоны 20–30-х гг. Л., 1989. С. 3–22.
3. Жолковский А.К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 391 с.
4. Зощенко М. Веселые рассказы // Зощенко М. Антология Сатиры и Юмора России XX века. М., 2006. Т. 39. С. 3–140.
5. Осовский О., Осовский О. «Драку заказывали?» Скандал как объект культурологического описания и историко-литературного изучения // Вопросы литературы. 2010. № 5. С. 464–479.
6. Осьмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 286 с.
7. Русская советская сатирико-юмористическая проза. Рассказы и фельетоны 20–30-х гг. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 471 с.

POETICS OF SCANDAL IN SMALL RUSSIAN PROSE (BASED ON SHORT STORIES BY M. ZOSHCHENKO AND V. SHISHKOV)

M.V. Kuksova

The article deals with the specifics of the functioning of scandal in the Russian satirical prose of the 1920s (stories by M. Zoshchenko and V. Shishkov).

Keywords: scandal, novel, device, plot.